

ВЛАДИМИР ТАРАСОВ

Природа и причины российских кризисов

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ: ИСТИННАЯ ПРАВДА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Владимир Тарасов
Природа и причины
российских кризисов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18512196

ISBN 9785447463137

Аннотация

Современные экономические теории часто оказываются не в состоянии предсказать наступление важных событий в экономике, которые иногда называют черными лебедями. Это выглядит странным, тем более что еще Адам Смит пытался изложить экономическую теорию, используя методы естественнонаучного познания. В этой книге мы повторим попытку Адама Смита, применив новые методы, не известные ему. Это позволит понять природу и причины проблем, которые препятствуют развитию экономики как России, так и всего мира.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Адам Смит и современная экономика	22
Осторожно: мейнстрим	22
Кому принадлежит «невидимая рука»?	27
Незаметная рука государства	33
Континент Билла Гейтса	41
Адам Смит за и против Microsoft	45
Методологическая ошибка Алана Гринспена	51
Природа и причины пузырей активов	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Природа и причины
российских кризисов
Белый лебедь:
истинная правда
в экономической теории
Владимир Тарасов**

© Владимир Тарасов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Шотландский ученый Адам Смит в своей ранней работе «Эссе на философские темы», впечатленный достижениями естественных наук, попытался применить методы естественнонаучного познания в сфере нравственной философии. Эссе были написаны в 60-х годах 18 века, и при жизни ученого не публиковались, но они очень важны для понимания взглядов Адама Смита, так как там были заложены методологические основы его подхода к науке. В частности, в них он впервые использовал знаменитую метафору о «невидимой руке».

В предисловии к первому из эссе, названному им «История астрономии», Адам Смит написал, что приступает к рассмотрению природы и причин чувств. На этом он не остановился, приступив затем к такому же исследованию экономических явлений. И примерно через 20 лет Адам Смит написал о поиске природы и причин уже не в предисловии, а в заголовке своего самого известного научного труда, опубликованного в 1776 году: «Исследование о природе и причинах богатства народов».

С тех пор прошло много лет, и в настоящее время принято считать, что экономическая наука достигла высокого уровня развития, по крайней мере, судя по количеству работающих в этой сфере ученых, выпускаемых журналов, созданных научных институтов, проводимых семинаров и конфе-

ренций. Однако финансовый кризис, неожиданно для большинства ученых потрясший мировую экономику в 2008 году, заставил усомниться в этом. К тому же, чего скрывать, большинство кризисов и до этого, как правило, заставляли научную экономическую общественность врасплох. То есть, экономическая теория в настоящее время намного уступает естественным наукам по возможности предсказания явлений, следовательно, исследовательский проект Адам Смита, похоже, до сих пор не завершен.

Кроме того, в 2007 году, то есть еще до последнего кризиса, была опубликована книга известного американского финансиста Нассима Николаса Талеба «The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable», которая вышла в переводе на русский язык под названием: «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». В ней Нассим Николас Талеб написал, что развитие общества осуществляется не постепенно, а посредством непредсказуемых скачков, для обозначения которых он ввел термин «черный лебедь», быстро вошедший в моду. Это аномальное событие, наступления которого ничто в прошлом не предвещало, обладающее огромной силой воздействия, и объяснение для которого человек придумывает после того, как оно произошло.

В своей книге Нассим Николас Талеб критикует современных экономистов, экспертов и аналитиков, полагающихся на существующие экономические знания. Сам он охарактеризовал свою книгу следующим образом: «В данном слу-

чае мы с моими читателями смеемся над нынешним состоянием общественных наук. Надутые профессора не предвидят, что их концепции скоро будут радикально пересмотрены – стало быть, можно не сомневаться: их ждет большой сюрприз».

На мой взгляд, его критика в адрес современных общественных наук совершенно справедлива. Но если Нассим Николас Талеб особенно не пытался выяснить, какой сюрприз ожидает профессоров, утверждая, что надо научиться жить в условиях неопределенности, то я попробую ответить на этот вопрос.

Причина отмеченной Нассимом Талебом проблемы заключается в том, что современные общественные науки еще нельзя считать науками в такой же степени, как естественные, они еще находятся в процессе формирования. Это плохая новость. Но есть и хорошая: уже в скором времени современные экономические воззрения должны преобразоваться в научную теорию по типу естественных наук. В этой книге я попытаюсь объяснить, как отыскать научные знания, которые позволят превратить черных лебедей мировой экономики в белых, как сделать предсказуемым развитие экономики как в мировом масштабе, так и в отдельных странах.

То есть, сейчас мир находится на пороге весьма знаменательного события: в ближайшие годы завершится процесс формирования экономической теории как науки, начавшийся с исследований Адама Смита (у него были предшествен-

ники, но для удобства изложения я начну именно с его работ).

Какие именно недостатки свойственны современным экономическим воззрениям, в принципе, известно. Вот что, например, сказал по этому поводу американский экономист, профессор экономики и публичной политики в Гарвардском университете Кеннет Рогофф, в интервью газете *Handelsblatt* в январе 2012 года: «Большинство экономистов пытаются решить проблемы с помощью математических моделей, забывая при этом такие стратегически важные аспекты, как экономическая мощь и демократическая стабильность. Они убеждены, что для решения всех проблем им необходимо лишь все более качественное математическое знание и все более сложные модели. Но путь этот неправильный. Экономика не просто наука, а наука социальная. Для того чтобы находить действительно приемлемые решения, ей необходимо учитывать такие факторы, как политика и история».

В этой книге мы рассмотрим, какие факторы, причем не только политические и исторические, должна учитывать экономика, если она хочет претендовать на статус науки, и как это следует сделать.

Мы повторим путь Адама Смита, только с учетом исследований, проведенных после него. Он изучал астрономию, мы рассмотрим методы познания в современных естественных науках (этому посвящена вторая глава и парочка разделов из восьмой и девятой глав). Адам Смит изучал обычные

нравственные чувства человека, такие как симпатия, эгоизм, честолюбие, мы же рассмотрим другие характеристики природы человека, описанные, в основном, в 19—20-х веках (главы три, четыре и шесть). Адам Смит наблюдал процессы, происходящие в современной ему экономике, мы проанализируем события 19—21 веков (главы один и пять).

В своей работе я буду основываться на некоторых методах научного познания, которые изложены в опубликованной в 1843 году книге английского философа и экономиста Джеймса Стюарта Милля «A system of logic ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation». Она была опубликована в переводе на русский язык под названием «Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования».

В этой книге Джеймс Стюарт Милль пытался определить научный подход к экономике и получил очень важный, на мой взгляд, результат. А именно, он дал определение истинной индукции, а также термина «причина», который используется в научных исследованиях. Последнее очень важно, потому что значение этого термина в науке не совпадает с тем, которое используется в обыденной жизни.

Кроме того, я буду постоянно использовать, не акцентируя на этом внимание, представление об истинной правде, позаимствованное у датского писателя Ганса Христиана Ан-

дерсена, который ввел его в одной из своих сказок, опубликованной в 1852 году (не простым сказочником был Ганс Христиан). Оно настолько важно, что я даже вставил его в заголовок моей книги. Это понятие и соответствующий ему метод познания будут рассмотрены в восьмой главе. Суть подхода Андерсена проста: для правильного понимания происходящих событий следует опираться не на чьи-то суждения, а на историю появления этих суждений от момента проведения наблюдений до выводов. Этот метод применял и Нассим Николас Талеб в своей книге.

Используя указанные методы, удастся обнаружить просто удивительные вещи. В частности, выяснить, кому принадлежит знаменитая «невидимая рука», о которой написал Адам Смит в книге «Исследование о природе и причинах богатства народов». Эта рука не только знаменитая, но и загадочная. Вот что написал по ее поводу американский экономист, лауреат нобелевской премии Пол Самуэльсон в книге «Экономика», опубликованной в 1948 году: «Смит так никогда и не доказал правоту своих слов. Откровенно говоря, даже в наше время, когда автор этих строк был студентом-старшекурсником, никто толком не знал, как доказать (или хотя бы правильно изложить) самую суть доктрины Смита о «невидимой руке».

Сам Адам Смит не назвал, кому принадлежит эта рука. Обычно ее приписывают рынку, но это спорный момент, поэтому Пол Самуэльсон не написал в своей книге «невиди-

мая рука рынка». Осторожничал Пол Самуэльсон не зря. Если внимательно проанализировать рассуждения Адама Смита, связанные с невидимой рукой, то можно обнаружить, что к рынку они не имеют непосредственного отношения, а вот важную роль государства Адам Смит там отметил. Более того, если рассматривать капиталистическую экономику, причем не только времен Адама Смита, но и современную, то легко обнаружить, что если ею и управляет какая-то невидимая рука, то она явно принадлежит государству. Другой вопрос, кто управляет государством, но мы так далеко в эту тему углубляться не станем. Это будет сделано в первой главе.

Во второй, третьей и четвертой главах, воспользовавшись результатами исследования методов научного познания Джеймсом Стюартом Миллем, я попробую продолжить дело Адама Смита и найти истинные причины богатства народов, используя некоторые представления о причинах, заимствованные у Милля. Для этого придется обратиться к трудам уже не экономистов, а исследователей природы человека – писателей. Один из них, как мне кажется, достиг выдающегося результата, обнаружив именно те факторы, которые следовало бы учитывать экономистам. Это Федор Михайлович Достоевский.

За полтора столетия до нашего времени он критиковал экономистов практически за то же, что и Кеннет Рогофф сейчас. В книге «Преступление и наказание», опубликованной в 1866 году, мысли Достоевского по поводу ученых выра-

зил студент Разумихин следующим образом: «У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути»!

И далее: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести! Самое легкое разрешение задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное – думать не надо! Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается»!

Но Федор Михайлович Достоевский не только покритиковал экономистов, он в своих книгах исследовал природу (натуру – nature) человека и предложил свой вариант того, как можно разобраться в миллионе возможных вариантов развития общества. То есть, роман «Преступление и наказание» представляет собой не только детектив, но и исследование типов личности человека по их действиям в экономике.

Достоевский был не одинок, необходимые для развития экономических теорий факторы изучали и другие писатели, в частности, Николай Семенович Лесков в рассказе «Левша. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», опубликованном в 1883 году.

Знание характеристик природы человека, описанных двумя русскими писателями, позволит по-новому взглянуть на происходящие в мировой экономике события, что будет сделано на примере ряда событий в России (в пятой главе). При этом мы будем использовать представления о социализме Фридриха Энгельса, а также представления об истинном капитализме чикагских экономистов Луиджи Зингалеса и Рагхурама Раджана.

Но указанных характеристик окажется недостаточно для интерпретации многих исторических явлений, поэтому нам понадобится введение еще одной группы характеризующих природу человека показателей (по отношению к власти), описание которых мне не удалось найти в какой-либо одной книге, поэтому придется прибегнуть к представлениям из нескольких книг и кинофильмов. Этому посвящена шестая глава.

В обнаруженных характеристиках природы человека, нет ничего особенного. Это свойства людей по их отношению к естественным правам человека, таким как жизнь, свобода, собственность и т. д. Выделение этих свойств объясняется тем, что именно они в значительной степени определяют поведение человека в экономике. Представления о естественных правах человека и их роли в обществе я позаимствую из книги английского мыслителя Джона Локка «Два трактата о государственном правлении», изданной в 1690-м году.

Введение таких групп характеристик природы человека

позволит расширить подход Адама Смита, пытавшегося изложить наблюдения в гуманитарных науках в соответствие с методами естественных наук, одним из образцов которых в его время была астрономия. События в современной экономике можно будет рассмотреть с точки зрения другой естественной науки – генетики. Окажется, что подобно тому, как свойства человека определяются его геномом – набором определенных молекул (генов) в его клетках, свойства общества и его экономики определяются как раз характеристиками типов личностей по их отношению к естественным правам. Совокупность этих характеристик я назову цивилизационным геномом народов.

Такой подход и позволит сочетать природу человека с природой богатства, а также обнаружить некоторые законы, которым подчиняется мировая экономика. Мы найдем и опишем некоторые причины, которые приводят к богатству народов, продолжив тем самым работу Адама Смита. Это будет сделано в седьмой главе.

Написать во введении об этих законах и причинах, к сожалению, не представляется возможным, так как это требует использования ряда понятий, которые будут описаны в первых шести главах. Если бы моя книга была диссертацией, то в аннотации к ней я бы написал, что в работе проведено исследование влияние типов личностей, различающихся по их отношению к естественным правам человека, на развитие экономики. Можно также сказать, что я продолжаю ука-

занные выше работы Джона Локка, Адама Смита и Джеймса Стюарта Милля, с учетом проведенных за последние 150—200 лет исследований природы человека, причем не только учеными, но и писателями в художественной литературе. Чтобы подчеркнуть это, я взял для книги довольно сложное название, проведя параллели с исследованиями Адама Смита и Нассима Николаса Талеба.

В следующих трех главах (восьмой, девятой и десятой) я опишу, как может выглядеть экономическая наука и мировая экономика (в отдельных чертах) лет этак через 20. При этом придется совершить несколько экскурсов в историю (в первые годы существования США и в период Великой французской революции), а также припомнить исследования Александра Ивановича Герцена в отношении научной методологии и особенностей ее восприятия в России. Эти истории из прошлого помогут обнаружить целую стаю черных лебедей, еще только топчущихся у входа в мировую историю. Слова Нассима Николаса Талеба о том, что экономистов ждет большой сюрприз, полностью подтвердятся. Большой – это еще слабо сказано. Но чтобы не портить сюрприз, я не стану описывать содержание этих глав во введении.

В качестве объектов для наблюдений и предсказаний мы будем использовать экономики двух стран – России и США. Выбор фактического материала сделан не случайно, так как на самом деле первоначальной целью моей работы над этой

книгой, которую я начал писать около двадцати лет назад, была оценка эффективности вложений в акции американских и российских акционерных обществ. Для этого я попытался разобраться в том, как устроены и как работают экономики этих стран. Тогда я вовсе не хотел продолжать дело Адама Смита и вообще не подозревал об его исследовательском проекте, а если бы мне кто-то тогда сказал, что современная экономическая теория в значительной степени представляет собой некое верование, а не науку, я бы ему не поверил. Я просто хотел заработать на вложениях в акции. Но, как показывает опыт, планы не сбываются никогда, по крайней мере, в первоначальном виде. Почему и как это произошло в моем случае, я опишу в разделе «Идентификация автора».

В этой книге я не буду заниматься критикой господствующих сейчас экономических теорий, так как это уже сделано многими людьми, в частности, норвежским экономистом Эриком Стеенфелдом Райнертом в книге «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными», изданной, как и книга Нассима Николаса Талеба, в 2007 году.

Норвежец предлагает вообще избавиться от фантастической, по его мнению, идеи, что обогащением народов управляют законы природы, и ограничивается выяснением того, как и почему определенные экономические принципы в прошлом оказывались для обогащения народов плодотворными

и как можно использовать этот успешный опыт в будущем. Я попытаюсь показать, что идея о существовании законов природы в экономике является не такой уж и фантастической, более того, что эти законы, а не господствующие в настоящее время представления, не только не противоречат взглядам Эрика Райнерта, но во многом совпадают с ними.

То есть, проблема не в том, что научный подход, реализовать который в гуманитарной сфере знания пытался Адам Смит, неверен, а в том, что последовавшие за ним на словах экономисты на деле отказались от научного подхода. Идеи Адама Смита на деле были забыты, а экономическая теория в значительной степени превратилась не в науку, а в идеологию.

Чтобы обнаружить и описать этот процесс, придется немного напрячься и обратить повышенное внимание на правильное использование методов научного познания. Собственно, мы это уже делаем. Я не случайно привел ссылку на книгу Нассима Николаса Талеба в несколько странной форме, указав вначале ее название на английском «The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable», а затем упомянув название, под которым она была опубликована в переводе на русский язык – «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Дело в том, что перевод неточен, он искажает смысл заголовка. Правильный перевод выглядит так: «Черный лебедь. Потрясение высокой степени невероятности». Это, собственно, буквальный перевод с английского.

А перевод заголовка в вышедшей на русском языке книге искажает мысль автора. Нассим Николас Талеб в заголовке, собственно, дал определение вводимого им термина: черный лебедь – это потрясение высокой степени невероятности. Просто, понятно и содержательно. Переводчик или редактор не придал значения этой авторской мысли и написал красиво, но бессмысленно: «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Это заголовок можно понимать, как хочешь, представив, что черный лебедь что-то делает под каким-то знаком – летит, сидит, или спит, наконец.

Не повезло и Адаму Смиту. Его книга «The Wealth of Nations, The Nature and Causes of the Wealth of Nations» издана на русском языке под названием «Исследование о природе и причинах богатства народов», хотя буквальный перевод выглядит совсем по-другому: «Богатство народов, природа и причины богатства народов». Никакого исследования в авторском заголовке нет.

Та же самая картина наблюдается с переводом заголовка книги Джеймса Стюарта Милля «A system of logic ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation». Обратите внимание, после слова inductive стоит запятая. А в переводе вместо запятой вдруг появляется двоеточие: «Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». В черновике этой книги я описал,

к какому изменению смысла это привело, но в чистовой варианте убрал объяснение, так как оно уводит слишком далеко в дебри научной методологии.

Ситуация с переводами названий книг известных зарубежных экономистов на русский язык наглядно иллюстрирует те проблемы, с которыми приходится сталкиваться при понимании экономических теорий. Люди, читая чужие статьи и книги, видят не то, что там написано, а то, что хотят видеть. Перевод названий – это только частный случай этого явления.

Это принципиальный момент, поэтому я и пишу о нем во введении. На протяжении всей книги мы будем копаться в отдельных словах, предложениях и оттенках смысла слов. Чтобы подчеркнуть важность мелочей, иногда говорят, что дьявол кроется в деталях, иногда говорят, что в деталях скрыт Бог. А немецкому поэту Иоганну Вольфгангу фон Гете приписывают высказывание о том, что Бог в деталях, а дьявол – в крайностях. Но, кто бы ни прятался в деталях и крайностях экономических теорий, мы его там найдем.

Имеет значение не только сам факт искажения смысла заголовков, но и причины, по которой это делается. Я думаю, что почти наверняка могу объяснить, почему в переводе на русский язык произошло искажение смысла заголовков упомянутых выше книг, так как за 20 лет работы в экономической журналистике я написал несколько сотен статей на экономические темы и две книги, имел дело с несколькими

ми десятками редакторов, и немного их изучил. Указанные искажения смысла заголовков при переводе сделаны редакторами и переводчиками специально. Дело в том, что у них есть определенные принципы, следуя которым они считают допустимым изменять смысл отдельных фрагментов редактируемых ими текстов.

Например, заголовок «Черный лебедь. Потрясение высокой степени невероятности» почти наверняка не подошел редактору из-за слов «высокой степени невероятности». Слишком сложно, а редактора не любят сложности, что, впрочем, в большинстве случаев правильно. Другое дело – «под знаком неопределенности». Красиво звучит, не беда, что смысл не тот, что у автора.

Что касается книги Адама Смита, то тут поработал, похоже, стилист. Прочтите еще раз буквальный перевод заголовка его книги: «Богатство народов, природа и причины богатства народов». Здесь наблюдается повтор одних и тех же слов, что на большинство русскоязычных редакторов, по моим наблюдениям, действует как красная тряпка на быка. Повторов быть не должно – это принцип, которому редактора стараются следовать во всех случаях, независимо от того, надо это делать или нет, и иногда даже тогда, когда автор специально делает повтор для усиления впечатления.

Приведенные примеры касаются, конечно, мелочей, но подобное искажение смысла не только заголовков, а любых утверждений, является, по моим наблюдениям, общим

правилом для представителей гуманитарных профессий. Такая практика наносит, на мой взгляд, колоссальный вред экономическим исследованиям, поэтому я акцентирую на ней внимание.

Контроль за точным смыслом терминов, конечно, требует некоторого напряжения, а ведь как верно отметил Разумихин, кто ж хочет думать. Но иначе нельзя. Только так нам удастся найти одну единственную истинную теорию среди множества искажений и неточностей. Она позволит предсказывать потрясения в мировой экономике, то есть сделает черных лебедей белыми.

Но перед тем как заняться этим увлекательным делом, посмотрим, как сами современные экономисты объясняют некоторое несоответствие своих теорий наблюдаемых фактам. То есть, поговорим об одном модном в последние годы слове – «мейнстрим».

Глава 1. Адам Смит и современная экономика

Осторожно: мейнстрим

Близорукость большинства современных экономистов, не заметивших приближения кризиса 2008 года, бывший председатель Европейского Центробанка Жан-Клод Трише объяснил возникновением некоторого рода доминирующего направления мнений, которое он назвал мейнстримом. В интервью, размещенном 7 августа 2012 года на сайте РБКdaily, он отметил следующее: «Один из уроков, которые я из этого вынес: берегись моды! Время от времени между игроками рынка и независимыми экономистами создается своего рода консенсус мнений – мейнстрим, который может оказаться крайне опасным».

Итак, причина ошибок экономистов – возникновение консенсуса мнений (мейнстрима), в котором побеждает неправильное решение. Как же мейнстрим возникает? Ответить на этот вопрос позволяет анализ ошибки, сделанной уже после финансового кризиса известными экономистами Кеннетом Рогоффым и Кармен Рейнхарт. В специальном исследовании, проведенном в 2010 году, они проанализирова-

ли развитие экономики в 42-х странах за 200 лет и пришли к выводу, что при увеличении внешнего государственного долга свыше 90% от ВВП средние темпы роста ВВП резко падают.

Эта работа имела больше значение для мировой экономики, так как она стала обоснованием для осуществления мер бюджетной экономии в качестве борьбы с финансовым кризисом во многих странах Европы, в частности, в Греции, Испании и т. д.

Не все экономисты были согласны с этими выводами, но проверить расчеты таких уважаемых людей как Кеннет Рогофф и Кармен Рейнхарт просто никому не пришло в голову. Только спустя три года преподаватели Массачусетского университета Майкл Эш и Роберт Полин поручили своему студенту повторить расчеты. И вот тут обнаружилось, что там есть не только математические ошибки, но и необоснованные предпосылки. А правильно проведенные расчеты показывают, что зависимости между ростом ВВП и государственным долгом нет. То есть, не падают темпы роста ВВП, поэтому научных оснований для ограничения долга величиной в 90% нет.

Об этом стало известно в апреле 2013 года, после того как ученые из Массачусетского университета опубликовали работу «Действительно ли высокий долг системно снижает экономический рост: критика Райнхарт и Рогоффа»? Разразился скандал.

Но главное в этой истории, пожалуй, не сама ошибка и ее негативные для экономики Европы последствия, а то, что она была с энтузиазмом поддержана экономическим сообществом. В этом, как считает еще один известный экономист, нобелевский лауреат Пол Кругман, оказались виновны, в частности, политики.

В статье «Катастрофа неизбежна, если игнорировать базовую экономическую теорию», опубликованную 13 мая 2013 года на его странице на сайте российской «Независимой газеты», Пол Кругман заявил, что европейские чиновники «нашли известных экономистов (вроде Альберто Алезини, Кармен Рейнхарт и Кеннета Рогоффа), которые говорили им то, что они хотели слышать. Но было также много известных экономистов, которые трубили об ошибочности такой политики. Именно политики и Очень Серьезные Люди решали, кого они сочтут достойным, чтобы прислушаться. В результате мы получили вереницу нелепейших ошибок». Кто имеется в виду под Очень Серьезными Людьми, Пол Кругман не уточнил.

Тут возникает вопрос, почему ошибка была замечена только в 2013 году. Похоже, сформировалась потребность в противоположном мнении. Дело в том, что после прихода в МВФ нового руководителя – Кристин Лаггард – фонд изменил свое мнение в отношении необходимости бюджетной экономии. Кристин Лаггард придерживается точки зрения, что осуществленные после кризиса 2008 года в Европе

меры бюджетной экономии были чрезмерными, в 2013 году МВФ начал активную борьбу против подобной экономии, и, как по заказу, появляется статья об ошибках, сделанных в 2010 году.

То есть, похоже, опять политики решили, что он хотя бы услышать что-то другое и выбрали других авторитетных людей, которые говорят, то, что хотят услышать политики теперь. И если бы не перемена настроений в МВФ, мировое экономическое сообщество могло бы и не заметить исследование ученых из Массачусетса.

Таким образом, выбор того или иного мнения или теории в качестве истины в настоящее время, по крайней мере, иногда осуществляют не ученые, а политики, исходя, естественно из своих целей, не имеющих к науке никакого отношения.

Это заставляет задуматься о том, а нет ли в экономических теориях и других ошибках, которые пока еще не замечены, так как не привели к кризисам.

И такие ошибки, причем, в самих основах современной экономики, имеются. Причем не в каких-то второстепенных вопросах, а в самых что ни на есть основах. Речь, в частности, идет о, возможно, самом знаменитом образе экономической теории – «невидимой руке», представление о которой в экономику было введено Адамом Смитом. Он использовал его трижды – в «Эссе на философские темы», в «Теории нравственных чувств...» и в «Исследовании о природе

и причинах богатства народов». Кому принадлежит эта рука, Адам Смит указал только в эссе: древнегреческому богу Юпитеру. В двух других случаях ученый не указал, как принято считать, владельца руки, чем серьезно осложнил жизнь читателям. Некоторые его последователи решили, что это невидимая рука принадлежит рынку. Попробуем разобраться в этом.

Кому принадлежит «невидимая рука»?

Перед использованием указанной метафоры, Адам Смит в своей книге о богатстве написал, что каждый отдельный человек старается употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности, а также стремится вкладывать в производство, производящее наибольшую стоимость. Ученый не просто констатировал это, а указал две причины этих явлений, выделив их с помощью слов «во-первых» и «во-вторых».

Рассмотрим «во-первых». Причины, по которым человек предпочитает вкладывать средства внутри страны, Адам Смит объяснил на примере оптовых торговцев. Купец, как считает экономист, при условии одинаковой или почти одинаковой прибыли естественно, предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле, так как при занятии внутренней торговлей его капитал никогда не уходит из рук на столь продолжительное время, как во внешней. Кроме того, купец может лучше узнавать характер и положение лиц, которым оказывает доверие, а если ему случится быть обманутым, он лучше знает законы страны, у которой должен искать помощи.

Перейдем к «во-вторых». Утверждение о том, что каждый человек старается вложить капитал так, чтобы получить про-

дукт наибольшей стоимости, Адам Смит обосновал тем, что каждый человек стремится получить наибольшую прибыль (это у Адама Смита постулат, то есть утверждение принимаемое, как очевидная истина), а чем больше прибыль, тем выше стоимость продукта. Адам Смит описал это следующим образом: «в зависимости от того, насколько значительна или незначительна стоимость этого продукта, будет и прибыль предпринимателя». Возможно, во времена Адама Смита, так и было, но в настоящее время любой экономист скажет, что последнее утверждение неверно, размер прибыли вовсе не связан напрямую со стоимостью производимой продукции. Впрочем, это уточнение в данном случае не важно.

Обосновав, таким образом, два указанных выше утверждения, Адам Смит делает вывод: «но годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее, именно и представляет собой эту меновую стоимость. И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей».

Но этого вывода Адама Смита показалось мало, и он по-

вторяет его немного в другой форме, упомянув невидимую руку: «Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения».

Вот так и появляется невидимая рука. В таком последовательном изложении рассуждений Адама Смита кажется понятным, что он имел в виду. Стремление человека к собственной выгоде приводит к обогащению всего общества потому, что купцы боятся быть обманутыми в других странах и надеются на защиту государства в своей стране. Купцы вкладывают средства в производство товаров с наибольшей стоимостью, так как те приносят наибольшую прибыль, а годовой доход общества складывается из доходов отдельных лиц, поэтому в полном соответствии с законами арифметики стремление к личному обогащению приводит к росту богатства общества.

Кроме этого, в рассуждениях Адама Смита есть еще несколько постулатов (типа стремления человека получить наибольшую прибыль), наличие которых необходимо для работы этого механизма формирования богатства.

Вот и все. Никакого рынка здесь нет и в помине. Но зато, обратите внимание, есть ссылка на законы страны и упоминание о помощи, которую купец может получить у государства. То есть у Адама Смита написано прямо противоположное тому, что обычно ему приписывается. Эгоизм человека направляется к всеобщему благу благодаря не рынку, а страху потери прибыли, государству и арифметике. Есть, правда, и другие причины, которые также были указаны шотландским ученым, хотя и в неявном виде, но мы их рассмотрим позже (в седьмой главе), после того, как изучим природу человека.

Как же возникло мнение о том, что Адам Смит в высказывании о «невидимой руке» имел в виду рынок? Понять механизм возникновения такой интерпретации слов экономиста можно на примере статьи о «невидимой руке», размещенной в Википедии.

Там написано, что «невидимая рука рынка» (англ. *invisible hand of the market*) – популярная метафора, впервые использованная Адамом Смитом в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». После этого в Википедии идет отрывок из книги, который был приведен выше и где есть невидимая рука, но нет никакого рынка.

Затем в размещенной в Википедии статье следуют никак не вытекающие из приведенного отрывка из книги Адама Смита следующие рассуждения автора статьи: «каждый производитель преследует собственную выгоду, но путь к ней

лежит через удовлетворение чьей-либо потребности. Совокупность производителей, как будто движимая „невидимой рукой“, активно, эффективно и добровольно реализует интересы всего общества». Отметим, что Адам Смит в разделе о «невидимой руке» ничего не писал о чьих-либо потребностях.

Тем не менее, автор статьи в Википедии, как фокусник вытаскивающий откуда-то «потребности», делает вывод: «фактически, А. Смит „невидимой рукой“ называет объективный рыночный механизм, который координирует решения покупателей и продавцов», не подтверждая его ссылкой на рассуждения самого шотландского экономиста.

То есть появление «рынка» – это чистый плод воображения автора статьи. А сам Адам Смит, повторим, писал только о стремлении человека к максимальному доходу в каждом производстве, о стремлении вкладывать средства в своей стране в надежде на защиту государства, и арифметическом сложении доходов общества из доходов отдельных производств.

Итак, пример из Википедии показывает, что возникновение представления о невидимой руке рынка основано на вольных интерпретациях мысли Адама Смита. Люди, считающиеся себя последователями Адама Смита, приписали ему то, что он не говорил.

Впрочем, это не секрет. Пол Самуэльсон в книге «Экономика» (Глава 40. Ветер перемен: эволюция экономических

доктрин) написал по этому поводу следующее: «нарождающемуся классу буржуазии необходим был глашатай ее интересов. Смит снабдил ее идеологией, которая служила целям этого класса. И, что было не менее важно, его концепция свободной конкуренции тешила ее самолюбие и отвечала моральным устремлениям».

То есть, люди взяли теорию свободной конкуренции и к ней приделали метафору о невидимой руке. Для чего? А красиво ведь, и придает видимость обоснования их желанием. Ничего это вам не напоминает? Вспомните переводы названий книг на русский язык, приведенные во введении к этой книге, а также ситуацию с исследованием Кеннета Рогоффа и Кармен Рейнхарт.

В случае с невидимой рукой проявилась та же особенность человеческого мышления, правда, в несколько другом масштабе. Люди легко искажают смысл чужих высказываний ради каких-то своих принципов.

Но тогда возникает вопрос, что же на самом деле представляет собой «невидимая рука»? Чтобы ответить на него, отвлечемся на время от теории, и займемся наблюдениями. Рассмотрим конкретный пример – историю возникновения капитала самого богатого, по крайней мере, на момент написания мною этих слов, человека планеты – американца Билла Гейтса.

Незаметная рука государства

При описании достижений этого человека обычно используются два подхода. В одном Билл Гейтс представляется гениальным трудоголиком, сколотившим за счет знания программирования и трудолюбия миллиардное состояние, во втором – расчетливым дельцом, занимающемся недобросовестной конкуренцией, и навязывающим потребителям ненужные им товары. Однако если присмотреться к истории Билла Гейтса, то легко обнаружить, что оба подхода не совсем соответствуют этой истории, на самом деле стать фантастически богатым он смог благодаря совсем другим обстоятельствам.

Вначале посмотрим на факты. И поклонники и критики Билла Гейтса сходятся на том, что он родился 25 октября 1955 года. На этом их единодушие, пожалуй, заканчивается. Поклонники сообщают, что отцом будущего компьютерного гения был адвокат, а мать была школьной учительницей. Противники уточняют, что его прадед был членом парламента штата и мэром Сиэтла, дед по материнской линии – вице-президент Национального банка США, а отец – Уильям Генри Гейтс II вообще-то был не просто адвокатом, а очень известным и богатым адвокатом. А мать – учительница умудрилась стать членом совета директоров целого ряда крупных корпораций, в том числе председателем испол-

нительного комитета в United Way International, и работала там вместе с влиятельными руководителями крупнейшего производителей компьютеров – IBM – Джоном Опелем и Джоном Эйкерсом.

Как бы то ни было, в 1976 году два начинающих бизнесмена Билл Гейтс и Пол Аллен основали компанию Microsoft. При этом они преследовали вполне определенную и конкретную цель: продажу фирмам – производителям компьютеров адаптированную для первых микрокомпьютеров версию языка программирования Basic. Этот язык был созданного еще в 1964 году двумя профессорами из Dartmouth College – Джоном Кенеми и Томасом Куртцом.

Поклонники Билла Гейтса сообщают, что он вместе с Полом Алленом разработали революционную на тот момент версию этого языка для первых микрокомпьютеров «Альтаир», производимых компанией MITS. Критики отмечают, что разработал интерпретатор этого языка для Альтаира, вообще-то, Пол Аллен, а Билл Гейтс усовершенствовал уже готовый продукт. Но это не так важно, имеет значение то, что с этим языком связан первый в истории Билла Гейтса и компании Microsoft скандал.

Дело в том, что, по крайней мере, совершенствованием этой программы Пол Аллен и Билл Гейтс занимались, как пишут критики Билла Гейтса, работая в штате компании MITS. Его сторонники в данном случае предпочитают писать, что Пол Аллен и Билл Гейтс работали на компанию

MITС, не упоминая, как именно была оформлена их работа. Как бы то ни было, руководство компании полагало, что версия языка принадлежит ей, а молодые программисты придерживались противоположной точки зрения. Они захотели сами продавать свою разработку другим компьютерным фирмам. И им это удалось, но вначале пришлось пройти через суд, на котором рассматривался вопрос о принадлежности авторских прав на программный продукт.

Процесс завершился в пользу Microsoft. Критики Билла Гейтса при этом отмечают, что его папа дал ряд хороших юридических советов и нашел подходящего адвоката, который смог решить проблемы быстро (суд вполне мог затянуться на несколько лет), в результате чего уже через полгода после начала процесса был назначен арбитр, который и принял решение в пользу Microsoft. Права на продажу интерпретатора Basic были предоставлены Microsoft, а MITС оставил только право на использование этой версии языка.

Впрочем, продажи версии Бейсика не принесли Microsoft особого богатства. Более существенной, как считают критики Билла Гейтса, оказалась помощь не его папы, а мамы. И здесь не обошлось без крупной компании, производителя компьютеров. На этот раз поддержку Microsoft оказала IBM. В 1980 году в этой компании решили заказать разработку операционной системы для своих персональных компьютеров у компании Digital Research. Но Microsoft сумела перехватить заказ. Поклонники Билла Гейтса в этом случае упо-

минают о его деловой хватке, позволившей ему обойти конкурентов, предложив IBM более выгодные условия, а критики напоминают о знакомстве матери Билла Гейтса с руководством IBM.

Как бы то ни было, контракт Microsoft получила. Но времени на разработку операционной системы у компании не было, поэтому Microsoft выкупила за 50 тыс. долларов все права на операционную систему, разработанную компанией Seattle Computer Products, и адаптировало ее для персональных компьютеров IBM. Так появилась операционная система MS-DOS.

При этом, что очень важно, Microsoft свои авторские права на операционную систему компании IBM не продала, сохранив их за собой. Билл Гейтс с Полом Алленом получили право продавать операционную систему и другим компьютерным компаниям, более того, IBM согласилась выплатить им не фиксированное вознаграждение, а платить за каждый проданный компьютер с их программой.

Руководители IBM почему-то пошли на это, хотя они были заказчиком операционной системы, то есть их ничто не обязывало так поступать. Поклонники Билла Гейтса в данном случае говорят о фатальной ошибке менеджеров компьютерного гиганта, а критики снова вспоминают о маме со связями и папе – юристе.

Как бы то ни было, невыгодный для IBM контракт не поспорил ее с Microsoft, и MS-DOS использовалась на компью-

терах IBM еще долго, принося Биллу Гейтсу все больше денег.

Но настоящая слава и деньги пришли к Microsoft после того, как в 1985 году в ней была разработана операционная система Windows. Но и тут не обошлось без скандалов.

На этот раз претензии к Microsoft предъявила компания Apple, в которой отметили удивительное сходство графического интерфейса Windows с интерфейсами операционных систем Lisa и Macintosh. Но и из этого процесса Билл Гейтс вышел победителем, хотя сходство, как оказалось, действительно не было случайным. Выяснилось, что Microsoft когда-то там заключило с Apple лицензионное соглашение, предоставляющее право использовать отдельные элементы графических интерфейсов продуктов Apple в Windows.

В 90-х годах на Microsoft обрушился вал обвинений в недобросовестной конкуренции. В частности, компания Digital Research, чья система DR-DOS конкурировала с MS-DOS, обвинила Microsoft в том, что в некоторых версиях Windows при обнаружении в компьютере системы DR-DOS производился сбой программы, что создавал впечатление о нестабильности DR-DOS. По этому вопросу был подан иск к Microsoft, но до суда дело не дошло, так как она заплатила 150 млн. USD, тем самым признав себя виновной.

Затем Microsoft была обвинена в монополизме уже Минюстом и рядом штатов США, и окружной судья округа Колумбия Томас Пенфилд Джексон в 2000-м году в деле «Со-

единенные Штаты против Microsoft» вынес приговор: виновна. Суд признал нарушение антимонопольного законодательства США со стороны компании (по трем пунктам) и постановил разделить Microsoft на две части. Однако апелляционный суд округа Колумбия в 2001 году отменил этот приговор, хотя судьи и признали частичное нарушение антимонопольного законодательства.

Разворот судебной системы США на 180% за один год противники Билла Гейтса объясняют просто: в начале 2001 года новым президентом США стал Джордж Уокер Буш, республиканец, а республиканская партия традиционно более лояльно относится к крупному бизнесу и монополизму, чем демократы.

Число таких примеров из истории компании может быть продолжено, кажется, до бесконечности, но в этом нет необходимости, так как и уже перечисленные примеры показывают, кто и что сделали Билла Гейтса самым богатым человеком планеты.

Во все описанных выше историях, кроме Билла Гейтса, его партнеров, конкурентов и родственников, всегда присутствует еще одна сторона – американские адвокаты и законы. Причем их действия были решающими для успеха Microsoft. Это ничего вам не напоминает? – Вспомните рассуждения Адама Смита о том, что купцы рассчитывают на защиту законов в своих странах.

Действительно, если бы арбитр в 1997 году принял реше-

ние о правах на версию языка Basic не в пользу Microsoft, то компания не смогла бы продавать этот продукт другим производителям компьютеров. И не отмени апелляционный суд округа Колумбия решение о разделе компании, Microsoft пришлось бы разделиться на две компании. А если бы юристы компании IBM больше заботились об интересах своей компании, то Microsoft не смогла заработать много денег на продаже MS-DOS. И быть бы Биллу Гейтсу сейчас, в лучшем случае, начальником отдела программного обеспечения компании IBM, каким бы он не был гениальным программистом, бизнесменом или сукиным сыном (так его называют иногда даже его поклонники).

Таким образом, сверхбогатым человеком Билла Гейтса сделали, повторим, в основном, американские адвокаты и американские законы. Все это можно назвать незаметной рукой государства, так как на них никто не обращает внимания, не замечает. Важно, что эти законы и судебная система созданы не его родителями и не им самим, а правительством, президентом и всей государственной машиной США.

Ситуацию с Биллом Гейтсом можно сравнить с рекордными полетами, совершенными Валерием Чкаловым в тридцатых годах прошлого века. Наверное, многие люди знают, что именно он совершил первый беспосадочный перелет из СССР в США через Ледовитый океан. А кто помнит, на каком самолете он летал и где тот был сделан? А это был АНТ-25, разработанный конструкторской бригадой Павла

Сухого, под общим руководством Андрея Туполева. То же самое и с Microsoft. Билл Гейтс довел свою компанию до финансовых вершин, но создана она была благодаря американским законодательству и юристам, имена которых с успехом Microsoft никак не связываются. Поэтому рука государства и является незаметной.

Континент Билла Гейтса

Впрочем, нельзя сказать, что сам Билл Гейтс не предпринимал значительных усилий по созданию своего капитала. Предпринимал, да еще какие. И это были не только действия по разработке программ и подавлению конкурентов. Он сделал гораздо больше: фактически открыл для мира целую сферу экономики. Целый континент, подобно тому, как когда-то Христофор Колумб открыл Америку, обеспечив работой и богатством многих людей.

Произошло это так. В те времена, когда Microsoft начинал работу на рынке, в среде программистов не было принято платить за программы, платили за железо – компьютеры. Что не позволяло Microsoft зарабатывать деньги, так как ее продукты люди не покупали, а брали бесплатно. Это возмутило Билла Гейтса, причем настолько, что он даже написал «Открытое письмо к любителям», которое было опубликовано 3 февраля 1976 года.

В своем письме Билл Гейтс выражал свое возмущение пиратским копированием программ, в частности, тем, что из всех владельцев компьютеров Altair купили разработанную его компанией программу BASIC менее 10%. Остальные скопировали программу бесплатно. Билл Гейтс назвал это воровством.

Он отметил, что программное обеспечение считается ни-

чейным и задал вопрос: «кто озаботился тем, чтобы люди, которые работали над программным обеспечением, получали плату»? При этом в письме он беспокоился не о своем личном доходе. Требование платы за программы он обосновывал тем, что это позволит ему нанять новых программистов и дать им работу, улучшив программы.

Любители компьютеров проигнорировали призыв Билла Гейтса. А вот правительство США, похоже, услышало. В 1980-м году, то есть через 4 года после письма Билла Гейтса, компьютерные программы стали охраняемыми объектами авторского права, то есть появилась возможность защищать их копирайтом. А в 1982 году были введены наказания за нарушение авторских прав в виде крупных штрафов и тюремного заключения. Именно эти решения, я, думаю, а не письмо Билла Гейтса, обеспечили бум продаж на рынке программного обеспечения. И приняло их государство, хотя, я не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что Билл Гейтс и его семья поспособствовала указанным изменениям американского законодательства.

Я не знаю, имели ли место такие действия и насколько они были эффективными. Но судя по всей логике развития событий, Билл Гейтс или его семейство должен был приложить к этому руку. Так, что если бы какой-либо букмекер принимал ставки по поводу их участия в изменениях законодательства, я бы рискнул поставить за это.

Тем не менее, и тут богатство Биллу Гейтсу обеспечило

государство, а не его личные усилия, хотя они и имели место. Правда, Билл Гейтс внедрил еще целую систему выкачивания денег из покупателей.

Его стратегия состояла в том, чтобы выпускать на рынок все новые и новые программные продукты, часто даже в недоработанном виде (кто пользовался разными версиями Windows, тот понимает, о чем я говорю), безжалостно устраняя при этом конкурентов. При этом новые программы через некоторое время оказывались почему-то несовместимыми со старыми. В результате чего пользователи должны были постоянно покупать новые и новые программы, даже если им для работы это не требовалось. Это все равно как бы, допустим, в обувной промышленности научились выпускать туфли, которые автоматически разваливались бы после первого года с момента выпуска, независимо от того, сколько раз их надевали.

Эта система в программировании работает безотказно до сих пор, обеспечивая постоянный спрос на программы. Она явно недружественная к потребителям, но к ней все привыкли, и, пожалуй, в некоторой степени именно ей сфера программирования обязана своим многолетним процветанием. Правительство США закрывает глаза на некоторое нарушение антимонопольного законодательства и прав потребителей, так как такая система выгодна и государству, ведь растут налоги, занятость и пр. А что бы можно было взять с программистов, если бы они до сих пор обменива-

лись программами бесплатно? Да и сами программисты сейчас были бы намного беднее, а число их было бы поменьше.

То есть Билл Гейтс совместно с правительством США создали новый рынок, говоря образно, открыли новый континент, освоение которого принесло богатство и Биллу Гейтсу и государству, и множеству других людей. В письме Билла Гейтса очень важным является его замечание о том, что плата за программы позволяет нанимать новых программистов и делать новые программы. Это и есть открытие нового континента, где могут находить работу все новые и новые люди, осваивая новые виртуальные земли. Это и есть, я думаю, истинное достижение Билла Гейтса.

Подведем итог рассуждений: на вершину пирамиды самых богатых людей планеты Билла Гейтса вытолкнули не трудолюбие, талант или везение, а незаметная рука правительства США. Покупать программное обеспечение Билла Гейтса людей заставляет не его трогательное письмо любителям, хотя оно довольно убедительное, а вся гарантированная государством мощь закона. Правительство, разумеется, не подарило Биллу Гейтсу миллиарды, и его личная заслуга в этом несомненна, но оно создало условия, которые позволили ему стать миллиардером.

Адам Смит за и против Microsoft

Итак, в истории обогащения Билла Гейтса мы обнаружили государство, а вместо свободного рынка, напротив, его противоположность – монополизм Microsoft. Но не только это удивительно. Компания Microsoft появилась примерно через 200 лет после публикации книги Адама Смита о богатстве народов, однако особенности деятельности компьютерного гиганта там описаны. Адам Смит написал, что монополия или привилегия отдельных компаний дает им возможность за счет снижения конкуренции поддерживать рыночную цену товара на уровне выше естественной рыночной цены, что позволяет обеспечивать выше естественной нормы заработную плату и прибыль на капитал. Один в один про Microsoft.

Я приведу большой отрывок из книги о богатстве народов, так как он точно описывает ситуацию с этой компанией: «Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и умышленно не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы – состоят ли они в заработной плате или прибыли – значительно выше их естественной нормы. Монопольная цена во всех случаях является высшей

ценой, какая только может быть получена. Естественная цена, или цена свободной конкуренции, напротив, представляет собою самую низкую цену, на которую можно согласиться, конечно, если речь идет не об отдельном случае, а о продолжительном времени. Первая во всех случаях является высшей ценой, какую только можно вытянуть у покупателей или какую, как предполагается, они согласны дать; вторая представляет собою низшую цену, какую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела.

Такую же тенденцию, хотя и в меньшей степени, имеют исключительные привилегии корпораций, законы об ученичестве и все те законы, которые в отдельных отраслях производства сокращают число конкурентов по сравнению с тем, каким оно было бы при других условиях. Они являются своего рода расширенными монополиями и часто могут в течение целых столетий в целом ряде отраслей производства держать рыночную цену отдельных товаров выше естественной цены и удерживать как заработную плату за труд, так и прибыль на капитал, применяемый в этих производствах, на уровне, несколько превышающем их естественную норму.

Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу правительственные постановления, вызывающие их».

Таким образом, Адам Смит описал не только действия Билла Гейтса, но указал причину ее существования – правительственные постановления, то есть незаметную руку го-

сударства. В случае с Microsoft – это законы об авторском праве, которые защищают рынок программного обеспечения от бесплатного распространения программ. Эти законы установлены правительством США, а не Биллом Гейтсом или рынком. Правда, в США есть и законы, поддерживающие конкуренцию, но Microsoft удается их обходить, с переменным успехом. Хотя некоторые судебные дела она проигрывает, но конкуренцию отчасти подавляет.

Адам Смит отрицательно относился к монополиям, полагая, что они наносят ущерб богатству народов, так как повышают норму прибыли для себя, но не дают, по его мнению, сумме прибыли вырасти так высоко, как это было бы без монополии. Он пояснил эту мысль следующим образом: «Все первоначальные источники дохода: заработная плата, земельная рента и прибыль на капитал благодаря монополии становятся гораздо менее обильными, чем это было бы при ее отсутствии. Одностороннее содействие ограниченным интересам одного немногочисленного класса в стране означает собою причинение ущерба интересам других классов и всех людей во всех других странах. Только в силу производимого ею повышения обычной нормы прибыли монополия оказалась или могла оказаться выгодной какому-либо отдельному классу».

Впрочем, Адам Смит не был фанатичным противником монополий и не возводил свою нелюбовь к ним в принцип, он допускал существование монополизма в некоторых усло-

виях. В частности, при освоении новых территорий: «Когда компания купцов предпринимает на свой риск и за свой счет организацию новой торговли с каким-либо отдаленным и варварским народом, может быть, целесообразно соединить их в акционерную компанию и в случае успеха предоставить им монополию этой торговли в течение некоторого количества лет. Это – самый легкий и самый естественный способ, каким государство может вознаградить их за риск опасного и дорогостоящего опыта, из которого впоследствии общество извлечет пользу. Такого рода временная монополия может быть оправдана теми же соображениями, в силу которых монополия новой машины дается ее изобретателю или новой книги – автору.

Но по истечении срока монополии, конечно, должна быть уничтожена; укрепления и гарнизоны, если было найдено необходимым завести их, должны быть переданы правительству, их стоимость должна быть уплачена компании, а торговля открыта для всех подданных государства».

Данные рассуждения также полностью применимы к компании Microsoft. Поддержка монополии этой компании со стороны государства привела к созданию новой отрасли экономики, что сделало богаче как людей, работающих в ней, так и все государство. В качестве варварского народа в данном случае выступили любители, которых пытался увещевать Билл Гейтс в своем письме.

Но стоит обратить внимание на слова Адама Смита о том,

что монополия должна быть со временем уничтожена государством. То есть, Адам Смит не рассчитывал на то, что какой-то свободный рынок сам уничтожит монополию. Он написал, что торговля должна быть открыта для всех подданных государства, что означает принятие законов, гарантирующих эту открытость. Типа того антимонопольного законодательства, которое существует, например, в США, и которое многие компании пытаются использовать против Microsoft, причем, иногда успешно. Пришло ли время ликвидировать еще сохранившийся отчасти монополизм Microsoft, я не знаю, этот вопрос требует серьезного изучения.

Кроме того, у монополии есть еще один недостаток, также отмеченный Адамом Смитом: «Но помимо всех уже отмеченных вредных последствий для страны вообще, являющихся неизбежным результатом высокой нормы прибыли, существует еще одно, более губительное, пожалуй, чем все они, взятые вместе, и, как можно судить по опыту, неразрывно связанное с монополией. Высокая норма прибыли, как кажется, повсюду уничтожает ту бережливость, которая при других условиях естественна для купца. Когда прибыли высоки, эта трезвая добродетель представляется купцу излишней, расточительная роскошь кажется более соответствующей улучшению его положения».

Ничего это не напоминает? Билла Гейтса в расточительности никто не упрекает. Но вот как расценивать создание

им в 1994 году благотворительного фонда Bill & Melinda Gates Foundation с капиталом в десятки миллиардов долларов. Конечно, декларируемые цели фонда – самые благородные, борьба с неравенством в мире, с болезнями в развивающихся странах и т. д. Но с точки зрения экономики вывод капитала из бизнеса в целях трат на роскошь и в благотворительных целях – это одно и то же. Куда идут деньги не важно, если это не развитие бизнеса.

Поэтому совместный проект Билла Гейтса и другого американского миллиардера Уоррена Баффета – Giving Pledge, в рамках которого они предложили в 2010 году самым богатым жителям США передать половину их средств на благотворительность, это признак не только безусловной высокой нравственности некоторых миллиардеров, но и неэффективности современного американского капитализма.

Подведем краткие итоги из вышесказанного. Я не случайно привел так много цитат из книги о богатстве народов Адама Смита. Это нужно для того, чтобы прояснить истинную позицию ученого в отношении роли государства в экономике, так как она прямо противоречит позиции некоторых современных экономистов, которые считают себя последователями Адама Смита. Государство, согласно его взглядам, вовсе не устраняется от контроля за рынком, более того, именно оно устанавливает и гарантирует свободу конкуренции, устраняя монополии и допуская их существование лишь в некоторых случаях.

Методологическая ошибка Алана Гринспена

Но в настоящее время государство в ряде случаев отказывается от выполнения таких функций. К чему это приводит, наглядно показывает мировой финансовый кризис 2008 года.

Принято считать, что его причинами стали несколько ошибок, сделанных Федеральной Резервной Системой США – центральным банком этой страны. В начале двухтысячных годов тогдашний глава ФРС Алан Гринспен недооценил риски в системе ипотечного кредитования и не повысил ставки ФРС, когда это надо было сделать. Это привело к ипотечному буму и возникновению пузыря на рынке недвижимости. А в 2008 году руководители финансовых ведомств США уже без Алана Гринспена сделали ошибку, не поддержав в критический момент инвестиционный банк Lehman Brothers. В результате 15 сентября 2008 года банк объявил о банкротстве, после чего в мировой банковской системе возник кризис доверия, что привело к резкому сокращению объемов кредитования, из-за чего некоторые банки и предприятия, сидевшие по уши в долгах, не смогли перекредитоваться, как это они обычно делали, и стали банкротами.

Но у кризиса есть еще одна причина, которая является,

пожалуй, основной. Она носит системный характер и состоит в том, что современный финансовый рынок США и всего мира в значительной степени является монопольным, бесконтрольным и непрозрачным. Это утверждение, на первый взгляд, может показаться странным, так как достаточно зайти на любой финансовый сайт, чтобы обнаружить море новостей и аналитики по всем текущим финансовым событиям. Но дело в том, что это не та информация, которая необходима для понимания ситуации.

Связано это с существованием рынка производных финансовых инструментов (деривативов), то есть опционов, фьючерсов, свопов и т. д., с помощью которых банки страхуют всевозможные риски (изменения курсов валют, стоимости сырьевых товаров, невозврата кредитов и т. п.). Этот рынок, в первую очередь, внебиржевой, получил бурное развитие в 90-х годах прошлого века, чему активно способствовал Алан Гринспен, возглавивший ФРС в 1987 году.

Его статьи я начал читать с 1995 года, пытаюсь разобраться в том, что происходит в мировой экономике. В те годы Алан Гринспен считался экономистом №1 во всем мире. Правда, понять, о чем он пишет, было непросто, уж больно туманными иногда были комментарии финансового гуру. Сам про себя он, то ли в шутку, то ли всерьез сказал: «Если вам кажется, что я выразился ясно, значит, вы меня неправильно поняли».

Меня тогда поразил шарж на Алана Гринспена, разме-

ценный, кажется, в The Wall Street Journal или в Financial Times, где-то в 1995 году (к сожалению, точно уже не помню). На нем был изображен глава ФРС, который клал на одну из чаш весов гирьки, тогда как на другой чаше лежали несколько бумажных долларовых купюр. Эти бумажки перевешивали целую груду гирек, поэтому у Алана Гринспена на этом рисунке было крайне удивленное лицо, как обычно бывает у человека, который не понимает, что происходит. Этот рисунок меня тогда немного удивил, так как представить, что финансовый гуру может чего-то не знать, мне тогда было трудно.

Некоторое время я считал, что Алан Гринспен специально говорит туманно, чтобы не давать возможность спекулянтам предвидеть действия ФРС. Но постепенно у меня начало формироваться убеждение в том, что он на самом деле не понимает, о чем говорит, но не хочет в этом признаваться. Более того, в 2002 году стало ясно, что он не только не понимает, но и не хочет понимать, что происходит в экономике.

Ясность внес доклад самого Алана Гринспена «Экономическая перспектива», прочитанный им 13 ноября 2002 года в Объединенном экономическом комитете Конгресса США. В этом докладе он много рассуждал о состоянии и перспективах экономики США, но в заключении отметил следующее: «Однако история предоставляет несколько предостерегающих сигналов, касающихся времени, в течение которого рост производительности труда оставался высоким. Подъ-

ем производительности годами оставался довольно быстрым после инноваций, которые были следствием всплеска в изобретательстве век назад. Однако в других эпизодах период повышенного роста производительности был короче. К сожалению, примеров слишком мало для обобщения. Следовательно, у политиков нет альтернативы продолжению внимательного наблюдения за эволюцией производительности в течение текущего периода значительных инноваций».

Последнее утверждение меня удивило, так как альтернатива-то была, ведь кроме наблюдения и обобщения существует множество методов научного исследования, и если примеров слишком мало для обобщения, можно их проанализировать и найти причины изменений производительности. Это азбука научных исследований, которую, как оказалось, Алан Гринспен не знает.

Для прояснения ситуации можно привести следующую аналогию. Представьте, что вы приехали в автосервис, чтобы поменять колесо на своей машине, мастер подходит к нему с отверткой, долго в нем ковыряется, а потом говорит, что с ремонтом ничего не выйдет, потому что отверткой колесо не откручивается. Подобным образом поступил Алан Гринспен. Ему ничто не мешало разобраться в ситуации, используя не обобщение, а другие методы научных исследований, или, по крайней мере, попробовать это сделать. Он мог, в частности, нанять группу экономистов за счет ФРС, да и личное состояние у него на тот момент составляло несколь-

ко миллионов долларов, мог бы найти деньги на оплату работы экономистов, раз уж сам не может разобраться.

Но ничего подобного Алан Гринспен не сделал, а так как человек он был не глупый, более того, наверняка знал о существовании уже упоминавшегося мною классического труда Джеймса Стюарта Милля о научных методах, это означало одно: осознанно или неосознанно он не хотел разбираться в том, что происходит с производительностью труда. Все просто: кто хочет решить задачу, тот действует, а кто не хочет ее решить, говорит о проблемах.

Примерно такая же ситуация повторилась в 2008 году, когда Алан Гринспен, который к тому времени уже оставил пост главы ФРС, опять говорил о сложностях с пониманием экономических процессов. 23 октября 2008 года он предстал перед комиссией Палаты представителей Конгресса США по контролю и правительственной реформе, которая хотела узнать его мнение о причинах кризиса.

На заседании комиссии член демократической партии Генри Ваксман отметил, что Гринспен отвергал попытки ввести регулирование сложных финансовых продуктов и считал, что государственное регулирование это плохо, после чего спросил экс главу ФРС, не обнаружил ли тот, что его картина мира, его идеология является неправильной и не работает.

На этот вопрос Алан Гринспен ответил, как обычно, туманно. Вначале он сказал «это совершенно точно». А потом

добавил – нет, это совершенно точно причина, по которой он был шокирован, потому что на протяжении 40 или более лет имел дело с событиями, когда она работала исключительно хорошо (Henry Waxman: In other words, you found that your view of the world, your ideology, was not right, it was not working? Alan Greenspan: That is – precisely. No, that’s precisely the reason I was shocked, because I had been going for 40 years or more with very considerable evidence that it was working exceptionally well).

При этом Алан Гринспен согласился с тем, что у него есть идеология. А то, что, будучи главой ФРС, он не смог предсказать кризис, Алан Гринспен объяснил тем, что мы имеем дело с экстраординарно сложной глобальной экономикой, которая очень сложна для предсказаний.

В связи с этим американский журналист Джон Кэссиди вспомнил немного истории. Он сказал, что во время спекулятивного пузыря в 90-х годах прошлого века Алан Гринспен говорил, что эта проблема слишком сложная, и что никто не может понять, что происходит. Теперь же, отметил журналист, мы имеем второй пузырь, и снова Алан Гринспен говорит, что это слишком сложно, и никто не может понять, что происходит. В связи с этим Джон Кэссиди выразил свое удивление: ведь о сложности проблемы говорит человек, который много лет был высшим финансовым управляющим в стране. Алан Гринспен – глава центрального банка страны, но не может ничего сделать с главными проблемами

в экономике, поразился журналист.

Я разделяю его удивление, но могу предложить возможное объяснение такому неведению. Дело не в сложности проблем, скорее всего, Алан Гринспен, осознанно или неосознанно, в принципе не хотел разбираться в проблеме пузыря. Возможно, Алан Гринспен не согласится с таким утверждением, однако о людях надо судить не по их словам и что они о себе думают сами, а по тому, что они делают.

Действительно, если бы Алан Гринспен хотел понять, что происходит, он бы обратился к специалистам или общественности. Вот Билл Гейтс, действительно, хотел стать богатым человеком, поэтому, когда он понял, что его программами пользуются бесплатно, написал письмо к пользователям с призывом платить. А потом, возможно, поспособствовал и законодательному распространению авторского права на программы.

Алан Гринспен написал письмо каким-либо любителям финансов, когда понял, что не понимает, что происходит на рынке? – Нет. В 2002 году он сообщил, что нам не остается ничего иного как ждать и смотреть, что произойдет. И в октябре 2008 года он также говорил о сложности проблемы, но не сказал, что же он делал, чтобы эту проблему решить. Потому что ничего не делал. А ведь если человек чего-то хочет, он предпринимает необходимые действия, чтобы этого добиться, а когда действий нет, это и указывает на отсутствие желания. Даже если сам человек полагает или

заявляет, что такое желание у него есть.

Такая установка главы ФРС была связана, по-видимому, с тем, что Алан Гринспен был сторонником теории нерегулируемого капитализма (неолиберальной идеологии). Поэтому он не считал нужным не то что контролировать, но даже и просто получать информацию о процессах, происходящих в сфере финансов, надеясь на то, что бизнесмены сами разберутся, что и как им делать.

Во многом благодаря его усилиям в декабре 2000 года в США был принят закон о Модернизации срочных товарных сделок (Commodity Futures Modernization Act), благодаря которому на рынке производных финансовых инструментов (деривативов), регулируемом законом о товарных биржах 1936 года, были сняты некоторые запреты. Начал бурно развиваться неконтролируемый государством внебиржевой рынок производных инструментов. Даже знать, что там творится, Алан Гринспен не хотел. Это и есть, как я думаю, его основная ошибка, которая через 8 лет и привела к самому сильному финансовому кризису в США после Великой Депрессии.

В 2003 году в работе рынка производных финансовых инструментов попытался разобраться известный инвестор и второй на тот момент по величине богатства человек на планете – Уоррен Баффет. В марте 2003 года в своем ежегодном послании к акционерам возглавляемой им инвестиционной компании Berkshire Hathaway он сообщил результат

своей попытки: «Когда мы с Чарли закончили читать детальные описания активности ведущих банков на рынке деривативов, то единственное, что поняли, это то, что мы не понимаем, какой риск они на себя берут» (Чарли Мангер – один из партнеров Уоррена Баффета).

Кроме того, Уоррен Баффет назвал производные инструменты финансовым оружием массового поражения и бомбами замедленного действия, угрожающими экономической системе. Высказал он свое мнение и по поводу финансовых регуляторов: «Центральные банки и правительства пока не нашли эффективных путей контроля или хотя бы мониторинга рисков, возникающих на рынках деривативов». Правильнее, на мой взгляд, было бы сказать, что центральные банки и правительства не хотели искать пути контроля и мониторинга таких рисков, но Уоррен Баффет был дипломатичен.

Впрочем, после 2008 года небольшое желание искать такие пути у чиновников появилось. В июле 2010 года в США был принят так называемый закон Додда-Фрэнка, который вводит некоторые правила на этом рынке. Но и тут возникли проблемы, и к пятилетию со дня начала кризиса, то есть в 2013 году, по оценке юристов компании Davis Polk & Wardwell LLC, из 398-ти положений закона были введены в действие только около 40%. И это не случайно. Дело не только в сопротивлении банкиров и в том, что многие руководители финансовых ведомств США на самом деле не хо-

тят знать, что происходит в экономике. И дело даже не в теории нерегулируемого капитализма. Ситуация гораздо сложнее.

Природа и причины пузырей активов

Затруднения Алана Гринспена кажутся довольно странными еще и потому, что в понимании процессов, происходящих при возникновении пузырей на рынке активов, нет, в принципе, ничего сложного.

Посмотрим, что представляет собой это явление на идеализированном примере. Допустим, я взял кредит в банке, купил пару каких-то предметов, которые изготавливаются в количестве одной штуки в неделю, у их производителя. Допустим, на следующий день вы тоже взяли кредит и выкупили эти предметы у меня по цене в два раза дороже. На следующий день мы повторили процедуру в обратном порядке. Начнется инфляция – рост цен на эти предметы. В результате через неделю таких торгов у нас будут предметы в 128 раз дороже первоначальной цены. И вот тут-то мы перестанем покупать эти предметы друг у друга, разделим эти два предмета между собой и продадим этот стремительно дорожающий актив какому-либо простаку, решившему вложить свои финансовые резервы во что-либо стоящее, по цене в 128 раз выше первоначальной. После чего мы вернем кредиты и останемся с серьезным наваром. Производитель этих предметов к тому времени изготовит еще один, и тоже, если повезет, продаст простакам по высокой цене.

Но когда мы прекратим торговать друг с другом, а проста-

ки потратят свои деньги, цены на эти активы упадут до обычного уровня в соответствии с обычным спросом и предложением на этот товар. То есть, произойдет дефляция. Простаки, купившие эти вещи у нас, останутся с убытками. Но мы с вами, производитель товара и некоторая часть простаков могут получить прибыль, если они успеют продать часть своего товара до начала падения цен.

В конечном итоге этой операции произойдет перераспределение капитала (деньги от простаков перейдут к нам и, частично, к производителю), временная активизация производства в одной из сфер экономики, а также временно возникнет новая сфера деятельности, связанная с перепродажами выбранных нами активов. Общество в целом особо богаче от всей этой кутерьмы не станет, но отдельные люди хорошо поднимутся.

Все пузыри на рынках активов реализованы именно по такой схеме, и отличаются только предметами торговли, источниками средств для спекуляции, организаторами пузырей и простакими, которые в конечном итоге отдают свои деньги организаторам.

По такой схеме произошел и кризис 2008 года. Вначале американские банки давали жителям США неограниченное количество кредитов, что привело к росту цен на рынке недвижимости (инфляции), затем из-за подъема ставки ФРС у них возникли проблемы с возвратом средств. Они стали давать меньше кредитов, а простаки начали терпеть убытки,

будучи не в состоянии продать купленный дорого актив (дома) из-за падения цен на него (дефляции), и стали разоряться.

Суть этого явления и его последствия хорошо известны. Еще автор Декларации независимости США, один из отцов-основателей этой страны – Томас Джефферсон описал его потенциальную опасность в одном из частных случаев: «Если американский народ когда-либо позволит частным банкам контролировать эмиссию долларов, то сначала посредством инфляции, а потом – дефляции, банки и корпорации, которые вырастут вокруг такого Центрального Банка, будут отнимать у людей собственность до тех пор, пока их дети не проснутся бездомными на земле, которую завоевали их отцы». Как в воду глядел.

Схема возникновения пузырей на рынке активов очень простая, и понять, как она работает и какие риски несет, не представляет никакой сложности. Надо только проконтролировать денежные потоки и определить, кто выступает организаторам, кто дает деньги на спекуляции, кто выступает в качестве простаков, и что достается производителям активов.

Смысл пузырей состоит в перераспределении денег, искусственном стимулировании производства в какой-либо сфере производственной деятельности или услуг, а также в возникновении новой сферы деятельности по обслуживанию самого пузыря. Последнее, говоря образно, означает

возникновение нового континента для освоения – новой отрасли экономики, точно также как это произошло с программированием.

Но главное в пузырях активов, это перераспределение средств между различными группами населения. Действия той группы, которая при этом обогащается, и является причиной возникновения этого экономического явления. Оно может не касаться государственного бюджета, а может непосредственно затрагивать и государственные деньги, как это произошло с пузырем ипотечных кредитов в США в 2007—2008 годах, когда в роли простаков в конечном итоге выступило правительство США наряду с некоторыми получателями ипотеки.

В любом случае, возникновение пузыря напрямую затрагивает интересы государства, так как перераспределение ресурсов между слоями общества, не связанное с производством товаров и услуг, является прерогативой государства. Обычно такое перераспределение осуществляется посредством распределения расходов бюджета и установления налогов. При этом в правительствах и парламентах часто возникают бурные дебаты по поводу распределения чуть ли не каждой бюджетной копейки. Возникновение же пузырей позволяет перераспределять ресурсы между различными группами населения внутри государства без правительственных решений и ведома парламентов.

Вот в чем суть пузырей в экономике и вот в чем, как я

думаю, причина нежелания Алана Гринспена и других экономистов и финансистов, принадлежащих к современному мейнстриму, заниматься выяснением природы и причин пузырей. Если описать суть пузырей, сразу же появится масса желающих поставить их под государственный контроль.

Это может потребоваться и в случае, если деньги бюджета непосредственно не затрагиваются пузырем, так как перераспределение средств может наносить значительный ущерб отдельным группам населения. Именно такую ситуацию имел в виду Томас Джефферсон. Он боролся против создания в США частного банка, которому правительство доверило бы эмиссию долларов, но проиграл, такой банк был образован. После этого Томас Джефферсон боролся с возникшим банком. В 1816 году в письме к Джону Тейлору он написал следующее: «Я считаю, что банковские учреждения более опасны для наших свобод, нежели постоянные армии. Они уже создали денежную аристократию, которая ни во что не ставит правительство. Следует отобрать у банков полномочия на эмиссию и вернуть их правительству, которому они принадлежат по праву».

Борьба между сторонниками и противниками создания частного центрального банка в США шла с переменным успехом до 1913 года, когда последователи Томаса Джефферсона окончательно проиграли, и была создана Федеральная Резервная Система США, состоящая из двенадцати частных федеральных банков, которые и выполняют функ-

ции центрального банка этого государства. Федеральной Резервной Системой она вряд ли была названа случайно. Скорее всего, чтобы не раздражать последователей Томаса Джефферсона лишним раз, слово «банк» из названия центрального банка страны было решено убрать. Правда, государству была сделана уступка: глава ФРС назначается президентом и утверждается Сенатом США, то есть является чиновником.

Мнение Томаса Джефферсона о банкирах, а также история борьбы с банкирами в США делает понятным то, почему Алан Гринспен, осознавая это или нет, не хотел выяснять, как функционируют пузыри на рынках активов. Ведь стало бы ясно, что назначение этих пузырей – это перераспределение богатств страны от рядовых американцев к финансистам. К тому же, оказалось бы, что это перераспределение поддерживает центральный банк страны, предоставляя средства спекулянтам по низким ставкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.